

Анастасия Машкова

Любовь по солнечным часам

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11108701

*Машкова, Анастасия Владимировна. Любовь по солнечным часам : [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090914-8*

Аннотация

Надежда Бессонова, героиня романа, проживала, как ей казалось, весьма благополучную, стабильную семейную жизнь. Пока... не узнала, что ее любимый муж, ради которого она пожертвовала очень многим, изменяет ей с лучшей подругой. В один миг она лишилась сразу – мужа, подруги и работы. Но чтобы начать новую историю, надо освободиться от старой, и героиня решает уехать из города в Михайловское, к родне. И там ее поджидают неожиданные приключения и новые встречи, которые изменят ее жизнь...

Анастасия Машкова

Любовь по солнечным часам

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Машкова А.В., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Надя Бессонова никак не могла поймать взгляда этой суетливой женщины – секретарши мирового судьи. Та все переключала бумаги на столе: правую стопку – налево, левую – направо. Наконец она схватила нужный листок.

– Так, если ваше намерение неизменно, подписывайте и ждите решения. Заседание – восьмого августа. Вы, я думаю, не собираетесь на нем присутствовать? Это ведь уже для вас формальность? О вердикте узнаете по телефону.

Секретарша подвинула Бессоновым заявление и забарабанила ногтями по картонной папке с тесемками. Очередные претенденты на развод явно отвлекали ее от более насущных дел.

– Ну, все равно... Можем и присутствовать, – промямлил Егор.

Надя отметила, что у него появилась странная манера поджимать по-стариковски нижнюю губу. От этого его лицо жалко скукоживалось.

Секретарша фыркнула, едва взглянув на Бессонова:

– Это мне, уважаемый, все равно! А ответчице, может, не все равно!

И снова Надя не успела разглядеть ее глаз. Сказала прилизанной макушке:

– Да! Мы подписываем. На суд не пойдём.

– Ну и ладненько, – с облегчением вздохнула секретарша, подняв голову. Она внимательно посмотрела на Надю и... ободряюще подмигнула. У нее оказались карие глаза с поволокой. Усталые и печальные.

Егор, выведя закорючку под документом, что-то буркнул и покинул кабинет. Надя долго примеривалась, прежде чем подписать согласие. Строчки плясали перед глазами. Непослушную ручку пришлось сжать до боли в пальцах.

«Да, я в ответе за все. Я в ответе... Я – ответчица», – пронеслось в голове, и Надя наконец смогла вывести свою фамилию. Все! Больше не нужно сопротивляться натиску истца. Какое гадкое слово. Хуже, чем словосочетание «бывший муж». Впрочем, разве этого человека со сморщенным напряженным лицом она знала как мужа? Знала целых шестнадцать лет? Морок, помрачение... Наверное, мама права, давая всему происходящему мистические определения. Все вокруг Нади правы, разумны, снисходительны. Если бы только ей от этого было легче.

– Все пройдет зимой холодной! Вы так красивы, что еще поблагодарить должны своего... гоблина за развод. Найдете теперь стоящего, – зло и веско высказалась секретарша.

Надя улыбнулась ей. Как понять, кто стоящий, кто нет? Муж вот был для Нади таким – настоящим, надежным. А вон как обернулось. И до зимы еще нужно дожить. Выживать бесконечных полгода...

Егор курил на крыльце. «Господи, он еще и сутулиться стал!» – поразила новому открытию Надя. Наверное, нужно что-то сказать напоследок, но этот комок, появившийся в глотке, никак не проталкивался, душил.

– Надежда, если хочешь, я подвезу! И Маша?! – крикнул Егор.

– Маши нет дома, она у подруги на даче, – хрипло откашлявшись, сказала Надя. И вдруг, вздернув голову, решительно подошла к... мужу.

– Это так жестоко, неправильно, что я даже представить не могу, что ты будешь чувствовать, когда опомнишься, – сказала она тихо.

– Ты снова мне угрожаешь? – с вызовом произнес Егор, швыряя окурки в урну.

– Не то, Егор! Все не то...

Больше она сдерживаться не могла и побежала к метро. Слезы жгли глаза, щеки, рот.

Егор Бессонов был для нее когда-то романтическим героем, таким рыцарем без страха и упрека. Искренний, верный, целеустремленный, образованный, из интеллигентной московской семьи, но главное – любящий. Казалось, бесконечно любящий свою Надежду.

Познакомились они, правда, при обстоятельствах отнюдь не романтических – около кабинета стоматолога. Наина подруга детства Валюшка выучилась на зубного врача и работала в частной клинике. В тот день Надя заехала за подругой к концу смены, чтобы вместе отправиться в кино. Она поджидала Валю в холле, листая журнал.

Распахнулась дверь, и из кабинета вышел крепкий молодой шатен с мученическим бледным лицом. За ним выскочила Валюшка.

– Прилягте на диван! Сейчас отпустит... Что же вы не знаете про свою реакцию на обезболивающее? – суежилась вокруг пациента подруга, которая и сама казалась белее ватманского листа.

– А я не помню, когда зубы в последний раз лечил. Если бы не этот зуб мудрости, о-ох, – скривился пациент.

– Ну, не получше? Антигистаминный препарат сейчас, вот сейчас поможет. Как?! Нет удушья? – паниковала Валюшка.

– Да, кажется, отлегло, – кивнул парень. – Не беспокойтесь, все вроде нормально.

Валя подошла к Надежде, зашептала, брызгая слюной:

– Покарауль его, вдруг что? И администраторша, как назло, заболела! Только аллергии мне не хватало! Лимонова меня убьет, если узнает. Ну все, я пошла собираться.

И она, виновато улынувшись пациенту, юркнула в кабинет.

– Давайте я вам водички налью, – предложила Надя, с сочувствием глядя на симпатичного страдальца.

– Спасибо, – кивнул тот.

Надя метнулась в кухню. В клинике девушка была своей. Во-первых, нередко приходила к подруге, а во-вторых, помогла главврачу Лимоновой в деле защиты имущества при разводе. Вернее, помогла не Надя, а ее шеф, в юридической конторе которого Надя работала помощником адвоката. Но главное – все оказались довольны: шеф – денежной клиенткой, главврачиха Лимонова – отвоеванной квартирой на «Речном вокзале».

– Это, наверное, ваши руки что-то творят с водой. Нет? – с улыбкой сказал Валюшкин пациент, сделав несколько глотков.

Его щеки порозовели. Карие глаза лучились восторгом. Он открыто любовался понравившейся ему девушкой. Надя смутилась.

– Слава Богу, лекарство вам помогло, – сказала она, отводя взгляд.

– Да уж. Помереть, встретив добрую фею, не лучший финал для сказки. Вас как зовут?

– Надежда.

– А меня – Егор.

С того дня они не расставались.

Каждый день после работы Егор заезжал за Надей в ее офис на Арбате. И они шли, рука в руке, куда глаза глядят: по путаным темным дворам, по горящим витринами огней улицам, по мостам и набережным, стынувшим под колким октябрьским ветром.

А однажды забрались в какую-то чащобу на Ленинских горах. Егор, прокладывая дорогу по крутому склону, тащил Надю вверх и, хохоча, предлагал заночевать или попросту остаться тут жить в землянке или шалаше из веток. Дороги-то им все равно не найти в крошечных потемках. И Надя, смеясь, принимала его слова почти всерьез, думала о шалаше и рае из глупой поговорки.

«Как я жила без него? Как?! И жила ли?..»

Они вконец продрогли, добираясь до его дома на Университетском проспекте.

А потом Надежда неумело отвечала на поцелуи и нетерпеливые прикосновения мужчины, оказавшегося неожиданно... тяжелым, властным и чужим. Она вдруг опомнилась, уперла руки в его плечи, пытаясь вдохнуть полной грудью, высвободиться из жарких тисков.

– Нет, подожди...

Егор отстранился, посмотрел с недоумением, испугом.

– Что-то не так? Неприятно?

– Нет-нет. Хорошо. Я... не умею. Не знаю, как лучше... – Надя вспыхнула, заметалась, нащупывая спасительный плед.

Егор перехватил ее руку, отбросил плед. Теперь в его глазах была только нежность. И забота.

– Не бойся. Я никогда не сделаю тебе больно. Никогда в жизни.

И Надя доверилась ему. Месяц спустя Егор переехал к ней.

– Это не слишком-то прилично и не с лучшей стороны характеризует твою новоиспеченную избранницу и ее мать, – увещевала сына строгая матушка.

– У-ти-ти, какие мы старорежимные, – парировала Надина мама, которую дочь посвящала во все перипетии отношений с бессоновской семьей. – Лучше по углам прятаться? Пусть Егор вникает в хозяйство, приобщается к ответственности. Зять он, видно, будет неплохой, – выносила свой вердикт будущая теща.

– Да почему ты решила, что мы поженимся? – не верила своему счастью Надежда.

– Ничего не решила. Вижу – и все. Это любовь, Надин. Любовь! – вздыхала мама с грустной улыбкой.

Дойдя до метро, Надя вдруг с ужасом подумала, как войдет в свою пустую огромную квартиру, которую так благородно пожаловал Егор бывшей жене перед разводом. Сам он решил наслаждаться покоем и одиночеством в подмосковной двушке, доставшейся ему по наследству от бабушки.

«Машка приедет только завтра... Нет, домой ехать не могу! Ну, значит, к маме. Она, конечно, ждет».

Надя спустилась в подземку. На «Киевской», как всегда, царило столпотворение. На Филевскую ветку приходилось пробиваться ледоколом. Перед людским водоворотом у эскалатора Надя оказалась внутри кучки цыганок. Тощенькая молодуха с ребенком на руках, грузная усатая тетка с тяжелым взглядом, две безвозрастные смуглянки в блестящих платках. Надя прижала сумку к груди и опустила глаза. Только не отвечать им, только не смотреть. Именно на этой чертовой «Киевской» ее давным-давно ограбили цыганки со своим гаданием. Запугали, невообразимым образом заставили достать кошелек и умыкнули всю зарплату. Будто знали, что Надя ехала со своей первой в жизни зарплатой!

И почему с ней так всегда происходит? Украли зарплату, должность, профессию, теперь – мужа... Конечно, сама виновата. Куда как весело жить и думать, что сама виновата во всех бедах, что «несклепистая, разиня, мямля!» Надя вспомнила лицо покойной све-

крови, которая день-деньской пыталась «просвещать» сына по поводу невестки. Но тогда Егор любил жену и защищал...

– Гони печаль! Счастье в толпе не ищи. Далеко отсюда, в лесу и у реки его найдешь. Уезжай! – Усагая старуха-цыганка шамкала ей в самое ухо.

Надя вздрогнула и рванулась, наконец, вверх по эскалатору. Шею заливал пот. Вырвавшись из подземки, она попыталась отдышаться. Липкое июльское марево висело над площадью. Расположенный рядом торговый центр манил прохладой кондиционера, но Надя не могла очутиться в равнодушной толпе: смеющейся, болтающей, жующей, праздной. Она хотела остаться наедине со своим горем. И с самым близким человеком, который мог это горе разделить. Загорелся зеленый, и Надя побежала по зебре перехода к маминому дому.

В сумке запиликал телефон.

– Егор?! – Надя схватилась за трубку, будто утопающий за соломинку.

Нет, это была Валюшка.

– Как ты, что не звонишь?! Как все прошло? – затараторила ее лучшая подруга.

– Ужасно и быстро. Зато я теперь приблизительно представляю, как действует гильотина. Хрясть – и жизнь кончена.

– Господи, Надь... Ты где? Тебе нельзя быть одной, – всхлипнула чувствительная Валя.

– Я иду к маме.

– Немедленно приеду к вам! Поревем, поговорим...

– Спасибо, Валюш. Я не знаю... А твоя работа?

– Да плевать! Смена уже заканчивается. Просидела полдня в тоске – две пломбы и одна чистка. Пустое лето, сама знаешь, – вздохнула стоматолог Валентина Курочкина.

– Нет, сегодня побуду вдвоем с мамой, – решила Надежда. – И... я люблю тебя, Валюш.

– А я? А я-то тебя как...

Надежда не дослушала, захлопнула телефон, чтобы не разреветься в голос посреди улицы.

«Нет-нет! Не вспоминать, не мучить себя. Это – так. Это не может быть иначе», – как заклинание повторяла она про себя. Самое страшное свершилось, и, странное дело, ей даже стало легче. Пусто, безнадежно, но... легко. Сейчас она окажется в родительском доме рядом с мамой, и боль, растерянность отпустят.

Надину маму Галину Викторовну Кольцову – повара высшего разряда – все называли Галкой-праздником. Шумная, улыбчивая, хлебосольная, она просыпалась, мурлыча браваурный мотивчик, с легкостью налаживала домашние дела и упархивала на работу в московскую «рыгаловку». Иначе свой пищекомбинат при большом предприятии Галина Викторовна не называла. Отстояв у «пищевого мартена» положенные часы, прибегала домой, нагруженная судками, впихивала в домашних столовскую еду и усаживалась перед телефоном. На воспитании любимой дочурки она особо не зацкливалась – та росла тихой и послушной. Покладистый молчун-муж также довольствовался минимумом внимания со стороны благоверной. Ему хватало газет и телевизора. Семья, ведомая бестрепетной и спористой рукой хозяйки, казалась благополучной и крепкой. Все рухнуло в одночасье.

В ту ночь Надя проснулась от всхлипываний мамы и странного воя. Босая, в ночной сорочке, девочка выбежала в коридор. В родительской комнате и на кухне горел свет. Едко пахло сердечными каплями. Отец, держа мать за волосы, тряс ее и издавал дикие крики.

– Дочку пожалей, Коля! – выкрикнула Галина Викторовна, увидев спасительницу Надю.

– О-о, еще одна! Яблочко от яблоньки недалеко упадет. Все бабы в вашей семье такие!

– Папочка, не надо! Пусти маму, папочка! – крикнула Надя, кидаясь к отцу, который вновь стал таскать маму за волосы.

Отец оттолкнул Надю, но жену выпустил.

Упав на подушку, Николай Андреевич зарыдал. Плакала и напуганная до полусмерти Галина Викторовна.

Надя до утра просидела с мамой на кухне. Подозрения четырнадцатилетней дочери подтвердились. У матушки были увлечения на стороне.

– Доча, это все такая ерунда, – оправдывалась Галина Викторовна, глотая очередную порцию корвалола. – Я Колечку, папу твоего, люблю, ты же знаешь!

– А зачем гуляешь? – угрюмо спросила дочь.

– Так и не гуляю я! Так, похихикаем, прошвырнемся до киношки. – Распахнутые глаза матери блестели слезой невинного младенца.

– Ага, нашла дурочку, так я и поверила тебе, – покивала головой бескомпромиссная Надя.

– Ох, никчемный разговор, доча. Трудно тебе это все понять. Жизнь... она такая бескрылая, тяжкая. – Мама всхлинула. – Знаешь, какой я была, когда замуж выходила?! Звезда голливудская, а не девка. Ты в меня такая красотуля. А порода? Так и прет из нас порода! Посмотри на свои щиколотки, профиль, плечи. А глаза?! А стать княжеская?!

– Мам, ну что ты ерунду городишь? – смутилась Надя.

– Нет, доча. Другая нам судьба была уготована, не кухарская.

– Мамуль, ты не кухарка. Ты – шеф-повар. В Европе богатейшим и уважаемым человеком была бы.

– Так мы не в Европе, в совке, – вздохнула Галина Викторовна.

Надюша прильнула к ней. Как она любила свою неунывающую красавицу маму! Почему она была так несчастна?

– Тоска, Надь. Тоска, – последний раз всхлинула мама, утерла глаза и как ни в чем не бывало улыбнулась своей победоносной улыбкой. – А мы ее, тоску-собаку, по хребту! И все у нас пойдет как прежде, спокойно и тихо. Ты вот у нас адвокатом станешь. Да-а, только адвокатом. Документики в папочках, стильная стрижечка, каблуки, умные разговоры. И денежки. И муж-прокурор. Вот так вот!

Галина Викторовна вышагивала по кухне в пижаме, выпятив грудь и втянув живот. Ее медовые глаза горели привычным куражом. Такие же светло-карие глаза с желтыми крапинками были и у Нади.

– Мам, ты лучше всех на свете! – в восхищении смотрела дочка на мать.

– Вот выведу ребенка в люди и буду вообще самой счастливой. Нам бы только папу задобрить. Ты уж, Надь, скажи ему, что я его люблю так сильно, как... как все тургеневские девушки скопом! Ну, что-то в этом роде, романтическое скажи.

– Втягивать детей в разборки родителей непедагогично, – заартачилась Надя.

– А кто тут у нас дети? Те, кто в школу не встанет? Все, Надин, топай в кровать.

Мама поцеловала Надю в макушку и в нос.

Но как ни старалась Надя, как ни ластилась и ни ублажала Галина Викторовна мужа, настоящего примирения между ними так и не произошло. В папе будто что-то сломалось, умерло. Он все больше замыкался в себе, приходил домой поздно, жаловался на слабость. Вскоре ему поставили диагноз: рак, последняя стадия. Галина Викторовна не отходила от мужа. Спала рядом с ним на тахтушке, чтобы в любую минуту коснуться его руки, лица. Колола обезболивающие. Продала бабушкино антикварное пианино – неприкосновенную реликвию: нужны были деньги на врачей и редкое лекарство. Все оказалось тщетно.

После смерти Николая Андреевича Гальяка-праздник сильно изменилась. Пышнотелая хохотушка превратилась в сухошавую, с загадочным взглядом женщину. Буйные кудри в стиле «я упала с самосвала...» уступили строгому каре, пестрые балахоны – элегантным костюмам. Смена имиджа еще больше стала привлекать к ней мужчин. Совсем иного, высо-

кого полета. Надя ждала, что ее молодая и прекрасная мама найдет еще свое счастье – вот-вот выйдет замуж. Но нет, не сложилось...

«Моя дочь Надечка идет на красный диплом. Юрфак МГУ. Не фунт изюма, как вы понимаете. В дочери – вся моя жизнь», – сообщала очередному платоническому воздыхателю Галина Викторовна. Ухажеры делали подобающие моменту пафосные мины и незаметно исчезали из ее жизни, что, впрочем, нимало не печалило княжну-повариху.

Она затеяла цветочный бизнес, который поначалу складывался прекрасно, но в одиночестве рухнул. И Галина Викторовна, ни минуты не сожалея о потерях, тут же устроилась преподавателем кулинарного мастерства в колледж. Деньги это давало смешные, зато в семье воцарился покой. Студенты Кольцову обожали. Ведь она сохраняла жизнелюбие, неунывающий характер и искреннюю любовь к людям.

– Ты, главное, моих ошибок не совершай. Храни то, что имеешь, – напутствовала мама дочку, когда та выходила замуж.

«Ошибки! Кажется, моя жизнь состоит из одних ошибок... Как убежать от самой себя? От стыда, обиды, беспомощности? Где брать силы, в чем искать опору?» – В который раз эти вопросы, будто жалищие неотвязные слепни, набросились на Надю. И, казалось, не было от них избавления.

Она бежала через двор к спасительному маминому подъезду. Ну, наконец-то тяжеленная входная дверь, два пролета лестницы... все!

Она в безопасности!

В прихожей ее уже ждал йоркширский терьер Микки – умник с задорным и бесстрашным характером. Пес прекрасно понимал все, что ему говорила хозяйка. Если Галина Викторовна сообщала перед уходом, что будет поздно, и наказывала приглядывать за квартирой, Микки не сидел попусту около двери, а дозором обходил комнаты и потягивал – отпугивал возможных врагов. Если его уверяли, что скоро будут, он устраивался с любимой игрушкой в коридоре и прислушивался к звуку лифта. Новость о приходе незнакомых гостей Микки категорически не радовала. Он удалялся валяться в своем любимом кресле. И даже мог «по неосторожности» напрудить лужу у ковра. А вот предупрежденный о приходе обожаемых Нади и Маши несся, задрав перламутровый хвост, к коврику у входа и в напряжении усаживался на него. Тыкался носом в дверь, шумно втягивал воздух, анализировал звуки в подъезде и нетерпеливо вздыхал, посверкивая глазами-вишнями. К тому же Микки был посвящен во все беды Нади, которая зацеловывала и нещадно баловала красавчика. Он оказался единственным существом, в прямом смысле слова утиравшим слезы «брошенки» – слизывал их своим теплым крохотным язычком.

– Микочка, родной, ждешь?

Надя взяла на руки прыгающего в счастливом экстазе терьера.

Из кухни появилась мама. Она, как всегда, держалась молодцом, волнение старательно скрывала.

– Надюш, ну как все прошло?

Галина Викторовна порывисто обняла дочь.

– Нормально. Быстро и без истерик. Все, мам. Все! Не хочу пока ничего обсуждать, – сказала Надя, отстраняясь.

Микки спрыгнул на пол и понуро поплелся в кресло.

– Наш чувствительный кавалер переживает, – констатировала Галина Викторовна.

– Он у нас не только чувствительный. Он теперь у нас – единственный. В смысле – кавалер.

– А и слава богу! Нужность кавалера определяется его знаком качества. Наш Микки безупречен, – махнула рукой мать. И веско добавила: – И он-то не преподнесет нам гад-

ких сюрпризов. Во всяком случае, не впадет в депрессию и не закусает близких. Надь, да вспомни ты свое «семейное счастье»! И прими то, что случилось, как избавление.

Первый год брака оказался для Нади безоблачным. Родилась Машенька, над которой тряслась вся родня, вконец избаловав девчонку. Егор неплохо зарабатывал, занимая должность ведущего технолога на крупном предприятии. Бессонова вроде ценили, но в один непрекрасный день уволили без объяснений.

– Все кругом твари продажные! Только шелупонь жуликоватая может тут выживать, – впервые завел свою обличительную и унылую песню Егор. Упаднические настроения в сыне подогревала и матушка. Она искренне не понимала, как можно не ценить такого выдающегося специалиста, правдолюбца, умницу.

У тещи было иное мнение о зяте, истинный характер которого начал раскрываться после свадьбы.

– Да кому с таким делом иметь охота? Заносчивый, с вечными претензиями и при этом пасующий перед малейшей преградой. Что не по нему – и уже истерика! Как ты, моя бедная, под этим диктатором? А эти его назидания, цитаты заезженные? Может, он все-таки дурак, Надь? Вот беда-то, – сокрушалась мама, чаевничая с дочкой, которая изредка сбегала от мужа, вручала Машу свекрови и отводила душу «на воле».

Как же ей здесь было спокойно и легко! Все в родительской квартире напоминало о любви и радости детских лет. Невесомые голубые шторы, полка с читаными-перечитаными сказками, уморительный портрет Карлсона на стене, плюшевый медвежонок Люка, с которым Надя спала в обнимку с младенчества. И еще скрип паркетин в гостиной, по которой Надя когда-то часами кружилась в танце под песни «Аббы», и мурлыканье мамы из кухни, и уютные запахи родного дома...

Замужняя жизнь, казавшаяся поначалу существованием на мягком облаке, вдали от проблем и бед, все чаще напоминала Наде тяжелую повинность. Впрочем, она соглашалась с мужем, который поучал, что семейная жизнь требует жертвенности, терпения, заботы и честности. Но Наде казалось, что Егор понимает этот постулат несколько односторонне, возлагая большую часть жестких требований на жену. Хотя упрекнуть Бессонова в непорядочности и нелюбви Надя не могла и потому искренне ценила своего мужа. Да что там говорить! Надя любила своего Егора. Любила!

– Мам, он – цельная натура. Если что-то решил – один раз и на всю жизнь. На компромиссы он не способен, – с жаром возражала Надя на мамины подковырки в адрес зятя.

– На всю жизнь может решить только бескомпромиссный чудак седьмого разряда вроде нашего главбуха дяди Миши.

– Ну, мам, ты сравниваешь! Где чокнутый Миша и где мой муж?

– Пусть так, сравнение не очень, но с людьми надо ладить, договариваться, проявлять снисходительность и мудрость. Тем более он в бизнес автомобильный решил лезть.

– Мам, все эти «порешаем» и «разрулим» – в прошлом. Бешеные девяностые – позади!

– Ну-ну, флаг вам в руки, – скептически шурилась Галина Викторовна.

– И вообще, нельзя жить, не имея ни в ком и ни в чем веры и опоры! Я счастлива, что Егор – надежная спина. Ты вот такого никогда не испытывала, хотя и была замужем. А получалось, что не за мужем, а впереди него, за ручку водила.

– Ну, это спорное утверждение. И насчет спины Егора я бы не обольщалась. Лучше поднажми на карьеру. Сколько можно в помощницах адвоката ходить? Больше уверенности и драйва, доча! Помни священное слово – самодостаточность.

Надя терпеть не могла это мамино «словцо», никак в толк не могла взять, как это – рассчитывать только на себя, когда есть крепкая семья и надежный муж?

Тем временем материальное благополучие Бессоновых пошатнулось. У Егора никак не складывалось с продажей автомобилей. Он сменил четыре автосалона. Отовсюду уходил со скандалами из-за того, что его не продвигали по служебной лестнице. Роль мальчишки-менеджера амбициозного Егора Ивановича не устраивала: он был убежден, что достоин ворочать миллионами. Из романтического, готового на все ради жены и дочери главы семьи Егор превращался в брюзгу и нытика, предъявлявшего претензии не только несправедливому миру, но и родным. К тому же он стал прикладываться к бутылке.

Надя пыталась быть надежной опорой благоверному, исполняла его капризы, выслушивала пьяные стенания с битьем кулаком по столу и совершенно забросила собственную карьеру. Пара опозданий, путаница в документах, неуверенность и лепет в общении с клиентами...

Словом, на место помощницы Бессоновой шеф взял хваткую девицу по фамилии Прусс. В конторе ее прозвали Кинг-Конгом. Дамочка оказалась не только агрессивна и зверски работоспособна, но и огромна. Клиенты трепетали в присутствии грудастой, губастой, горластой глыбы и проникались должным пиететом к адвокатскому сообществу.

Целый год Надя мыкалась без работы, пытаясь устроиться по специальности. Она проходила собеседование за собеседованием и всюду получала отказ.

– Зачем я только тебя послушала с этим университетом?! – упрекнула она мать после очередного провала. – Какой из меня адвокат? Я себя-то защитить не могу. И вообще, юристов – пруд пруди.

– Надюш, почему ты так не уверена в себе? Ты же прекрасно знаешь право, можешь работать с документами. Цени себя – и тебя будут ценить окружающие.

– Да за что мне себя ценить?! Нескладеха, робкая, неловкая.

– Это тебе муж такие глупости внушает?

– А что там внушать?! Меня даже Машка не воспринимает всерьез – веревки из матери вьет и еще подхихикивает.

Галина Викторовна сокрушенно кивала. Она ничем не могла помочь своей замечательной, но бесхарактерной дочери.

Кардинальное решение пришлось принимать, когда Машу стали собирать в первый класс. Егор выбрал пафосную спецшколу. На Надины сомнения ответил жестко:

– Если бы ты пошла, наконец, работать, мы бы смогли прокручиваться!

И Надя скрепя сердце согласилась на предложение Валюшки пойти в ее клинику администратором. Девчонкой на ресепшн.

– Деньги не бог весть какие, зато стабильность и нормальный график – два через два. Временно посидишь у нас, пока что-то не обломится по профессии, – рассуждала верная подруга.

С тех пор прошло почти восемь лет и «временно», похоже, превратилось в «навсегда». А год назад случилась беда...

Мама тряхнула дочку за плечи:

– Надь, выходи из комы! Хватит уже. Пошли пировать! Я сделала твое любимое сациви.

Она снова обняла дочь, с силой прижала к себе ее голову.

– Все у нас теперь пойдет прекрасно. Не так, как раньше, но не хуже. Поверь своей мудрой мамаше. Мы им всем покажем!

– Ма, не хочу я никому ничего... показывать. Я хочу быть счастливой.

Надя, наконец, смогла расплакаться.

– А вот и будешь. Все, чего сильно желаешь, исполняется. Кто-то умный сказал, что человек всегда движется в сторону своих устремлений. Главное, иметь их, устремления-то.

– Мамуль, какие у тридцатисемилетней администраторши могут быть устремления? Все это красивые и глупые слова.

– И слова, и дела, и новые люди. Дай срок, доча. Дай срок! – Галина Викторовна потянула Надю в кухню, где уже был сервирован праздничный стол.

– Ох, ну уж шампанское – это перебор, ма!

– Ничего подобного! В самый раз, – сказала Галина Викторовна, ловко управляясь с запотевшей бутылкой.

Ухнула пробка, и бряц заструился по хрустальным бокалам.

– За нас с вами и черт с ними! – провозгласила Галина Викторовна.

– А и правда, – утерла глаза Надя и подняла бокал.

На пороге кухни возник «кавалер со знаком качества». Он примчался, заслышав бодрые голоса, сел у Надиного стула и преданно застучал хвостом об пол.

Курица оказалась бесподобной, салат – восхитительным, канапешки с сыром, грибами и зеленью – тающими на языке. А шампанское! Как давно Надя не пила шампанское. Легкое, снимающее страхи, напряжение, боль. Она впервые за эту неделю наелась до отвала и почувствовала себя если не счастливой, то вполне спокойной.

Увидев, что дочь с улыбкой сует кусочки ветчины Микки под стол, Галина Викторовна решила начать серьезный разговор, на который не могла осмелиться раньше.

– Слишком много совпадений! Я до сих пор считаю, что чья-то злая воля вмешалась и все разрушила. Впрочем, разрушила то, что некрепко держалось. Просто-таки на соплях держалось, что уж греха таить. Значит, все устроилось благополучно для тебя, доча.

Мама чуть захмелела от двух бокалов шампанского, покраснелась и, улегшись на диванчик, закурила.

– Твоя манера говорить образными и туманными фразами меня раздражает. О чем ты, ма? – скривилась Надя, которой именно сейчас не хотелось говорить «об этом».

– Я о том, что Егор – говнюк и предатель. И, кажется, не только он один из близких нам людей.

Галина Викторовна вдруг побледнела и стала затягиваться часто-часто.

Надя с недоумением уставилась на мать.

Микки, просившийся к Наде на колени, твякнул, но, не получив ответа, поплелся под стол за резиновой уткой.

– Что-то про предательство я не поняла. Кажется, в нашей семье этим пороком страдают дамы. Я сама изменила... ну, готова была изменить Егору. С мерзким человечешкой. Егор не простил. Он вот никогда не изменил бы мне, потому что верный, однолюб... За все надо расплачиваться. Кажется, ты сама не раз говорила мне об этом.

Надя вскочила и начала собирать посуду со стола.

Бокал выскользнул из ее рук, грохнулся о плиточный пол, разлетелся стеклянными брызгами.

– К счастью! – рывкнула Галина Викторовна и загасила сигарету. Она должна была наконец открыть дочери глаза.

Стоматолог-хирург Арсений Миликян пришел в Надину клинику полтора года назад. Он был здоровенным обаятельным мужиком с масляной улыбкой и повадками типичного дамского угодника. Даже мужененавистница Лимонова, пережившая два тяжелейших развода, млела в присутствии обходительного подчиненного. Миликян, согласно законам его диаспоры, был женат на армянке. Брак оказался несчастливym, бездетным. Бесплодная Натэлла смиренно терпела походы благоверного «налево». Некоторые из миликяновских пассий предпринимали титанические усилия, чтобы развести альфа-самца. Арсений всем раздавал авансы, но, конечно, и не думал бросать жену.

Надя горячо отговаривала влюбившуюся в Миликяна Валюшку, у которой никак не складывалась личная жизнь, оставить идею закомутать женатика армянина. Валентина упорствовала.

– Надь, я ведь лучше многих, если смотреть на вещи объективно. Мне тридцать восемь, а у меня талия – шестьдесят три сантиметра! И я твердо стою на ногах! Даже Лимонова завидует моей «бэхе», – всплескивала тоненькими ладошками Валя, доходы которой и вправду оказывались несопоставимы с Надиными.

К тому же Валюшка действительно была изящной и смазливой: белые кудряшки, скуластое личико, аккуратный носик, неизменная улыбочка. И что этим мужикам не хватало?

Надя любила подругу и не разделяла маминых резких слов о «Валькиной мелкотравчатости». Еще Галина Викторовна называла Вальку «москвой». В клинике же врача Курочкину прозвали «мышкой-норушкой». И тоже не очень любили.

Однажды Валентина примчалась на работу чернее тучи.

Не поздоровавшись с подругой, она схватила журнал приема пациентов и, нервно его листая, высказалась себе под нос:

– Почему одним все – другим ничего?!

– Ты о чем, Валь? Что случилось? – спросила встревоженная Надя.

– Да о тебе и твоём хахале. Арсене Давыдовиче.

– С ума сошла!

– Да уж конечно! Видела я вчера вечером, как он вокруг тебя увивался, до метро подбросить предлагал. Подвез?!

Валя захлопнула журнал и уставилась на подругу, поджав узкие губки.

– Ну и что? Он и Ленку подвозил... У нас же нет машин, а до метро довести – не такой уж подвиг. Валь, не сходи с ума.

– Ага! Ум она поминает. Лучше о совести подумай.

Надя разозлилась.

– Не говори ерунды! Между нами ничего не было и быть не может!

С того дня Надя ушла в глухую оборону, не устаивая назойливого Миликяна взглядами и разговорами. Это лишь еще больше подзадорило записного Казанову. Он плотно осадил непокорную «крепость».

Букеты, комплименты, звонки на мобильный...

Теперь уже не только Валя, но и остальные коллеги настороженно и неприязненно поглядывали на замужнюю тихоню Бессонову, которой «мужа мало». Проходя как-то мимо кухни, Надя услышала обрывок разговора. Главврач Лимонова говорила ортопеду Ворониной:

– Девчонка она, конечно, интересная. Но этот затравленный взгляд, чудовищные наряды, крысиный хвостик... Каких чертей Миликян рассмотрел в этом омуте?

Надя замерла, схватившись за свой русый хвост, который ну никак нельзя было назвать крысиным. Впрочем, конечно... Конечно! Ей, неудачнице, не хватало лоска, яркости, хороших тряпок. Джинсы да дешевенькие свитерочки. Пару раз в году – престарелый костюм из «базового гардероба». Собственно, этот добротный твидовый костюмчик с белой блузкой и составлял всю Надину «базу». Лет семь как составлял.

Лимонова между тем продолжала:

– Я бы еще поняла, если бы он обратил внимание на нашу «мышку», которая проходу ему не дает. Мелкая, да бойкая. Ну и доступная, что в его-то семейном положении только на руку.

– Да и одевается Валька будь здоров. Я уж про машину и квартирку молчу, – подхватила Воронина.

– Да уж. Молчи, – понизила голос Лимонова, услышав движение за дверью. Это Надя прошмыгнула в туалет. Заперев дверь и включив воду, она разрыдалась.

Все накопленные за жизнь обиды, тычки вдруг ясно вспомнились, пронеслись в бешеном кружении перед глазами. Укоризненные вздохи шефа-адвоката, снисходительная усмешка свекрови, капризная гримаска дочери, обличительные тирады пьяного мужа, презрительный шепоток врачей и даже мамины поучения.

Надя плеснула в лицо ледяной водой, вытерла потекшую под глазами тушь бумажным полотенцем и посмотрела на свою двойняшку в зеркале. Заплаканная, но решительная, эта женщина мало походила на обреченную тихоню-администраторшу. Она бросала своему привычному миру вызов!

– Значит, затравленный взгляд и чудовищные наряды?... Ну хорошо же, будет вам и взгляд, и тряпки, и прическа! Пошли вы все! – прошипела эта неизвестная Наде воительница.

Пробным камнем стала Машкина истерика. Дочь требовала новые кроссовки. Надя выкроила из своей зарплаты три тысячи – муж давал деньги только на «существенное». Например, на репетиторов. На худой конец, на отдых дочери. Даже такая статья, как «велосипед», стала камнем преткновения. Вроде не бабьи штучки, не духи и лифчики, но и не хлеб насущный. Словом, три тысячи Надя накануне отложила. Новая Надя эти деньги вытащила из заначки бестрепетной рукой и сделала у Валькиного парикмахера умопомрачительную асимметричную стрижку. Да еще концы выкрасила в пунцовый цвет. Невозможно шикарно получилось. А главное, очень шло Наде и молодило ее.

– Ты с ума сошла, мам?! Я разута! – забыла о своих восторгах в сторону причипурившейся матери Маша, когда поняла, что в этом месяце кроссовок ей не видать.

– Три недели потаскаешь старые. Говно вопрос, – подделываясь под интонацию Галины Викторовны, выдала новая Надя.

Маша поперхнулась, а затем забилась в истерике. Длилась она ровно пять минут. Потому что мама не кинулась к дочери с причитаниями, а закрылась на кухне. Да еще взяла с собой телефон. Маша, забыв об истерике, пыталась подслушивать под дверью, но ее спугнул отец.

Он пришел с работы традиционно поддатый и злобный «аки волк».

– Папаня сегодня аки волк или аки агнец? – спрашивала первым делом бабушка у Маши, когда звонила своим девчонкам вечерами. Бабья болтовня по телефону раздражала Егора Бессонова. Потому, если выходило, что «аки волк», – разговор мог быть пулеметным и деловым. Если «аки агнец» – долгим и душевным.

В тот вечер отец был «аки волк».

– Матери нет, что ли? – рыкнул он, скидывая ботинки.

– На кухне, по телефону болтает, – настучала Маша на мать.

– О как! – плотоядно высказался Егор.

Но Надя выпорхнула из кухни с привычной заботливой улыбкой, защебетала, потом кинулась накрывать ужин, и вечер прошел традиционно спокойно. Если можно было назвать покоем тоскливое сидение четы за столом под скорбный бубнеж Егора о «козлах с работы». Затем муж до полуночи ходил в ларек за добавкой.

– Тебе нравится моя новая прическа? – спросила Надя у Егора, когда он улегся, наконец, с газетой в кровать. Тот посмотрел на нее тяжелым хмельным взглядом и выдохнул:

– Надь, тебе все к лицу. Если не жаль из семьи деньги таскать всяким стилистам-пидористам, то можешь и красноперой походить.

Далее Егор углубился в злобные рассуждения о том, как наживаются на наивных дурах бандитские салоны красоты.

А на Арсена Миликяна превращение Нади в стильную штучку произвело сногшибательный эффект. Конечно, он принял сию метаморфозу на свой счет и усилил атаку. И Надя сдалась. Арсен был веселым, говорил невообразимые комплименты и не жалел денег на сувениры и рестораны.

С Егором Надя была в ресторане всего три раза, в самом начале их брака, когда муж еще казался жизнелюбивым и щедрым.

Впрочем, однажды Маша затащила мать с отцом в популярную московскую кофейню.

– Блинчики – триста рублей?! Кофе – сто пятьдесят?! – вытаращился Егор, глядя в меню. – Да я подавлюсь и сдохну! Мне – воду. А вам и по шарикун мороженого хватит. Впрочем, как хотите, – насутился он, поймав взгляд пожилой теткн, сидящей за соседним столиком. Она наворачивала салат «Цезарь», стоимость которого совершенно не влияла на ее глотательный рефлекс.

Арсен заказывал все самое лучшее, запрещал Наде смотреть на строчку с ценами и беспрерывно ее смешил. Вел он себя на редкость корректно. С приставаниями не лез, только ручки целовал и в глаза зачарованно заглядывал. Словом, Наде нравились эти легкие, ни к чему не обязывающие отношения. Единственное, что ее смущало, – это необходимость привирать. Прогулки с ухажером бывали нечастыми, когда у них совпадали выходные. И каждый раз приходилось придумывать предлог для Маши и мамы. Егор, работавший с утра до вечера в автосалоне, никогда не звонил жене среди дня. Да, времена «ста звонков в день» прошли безвозвратно. Впрочем, Маша тоже не отслеживала мать, погруженная в сложные подростковые проблемы. А вот мама... Мама сразу заподозрила что-то неладное. То Надя три часа ходила за продуктами, выключив телефон, то два часа сдавала в химчистке на соседней улице пуховик. И еще молчала при встречах, чему-то загадочно улыбаясь.

Галина Викторовна приперла дочь к стене, и та дословно повторила ее слова, сказанные много лет назад в роковую ночь:

– Жизнь... она такая бескрылая, тяжкая... Мам, это все не имеет никакого значения. Так, невинное отвлечение, кураж.

– Доча, эти праздники засасывают. Поначалу все легко и невинно, а потом накроет так, что мало не покажется. Или влюбишься по самое некуда и исстрадаешься, или походя уступишь. И ничего, кроме гадливости, испытывать не будешь.

Галина Викторовна с болью смотрела на дочь.

– Нет-нет, я не собираюсь изменять мужу. И вообще, намерена на днях сказать Арсену, что наши прогулки заканчиваются. И вправду надоело... Пустое, ненастоящее, – отмахнулась Надя.

Будто предчувствуя серьезный разговор, Миликян в тот вечер после работы вызвался довезти Надю до дома. Всю дорогу она молчала. Остановились в квартале от дома Бессоновых, и Надя, кусая губы и отворачиваясь, начала неприятный разговор.

– Арсен, ты... очень милый, симпатичный мне человек, но...

Миликян, затаив дыхание, испытующе смотрел на «чертову скромницу».

Так он про себя называл администраторшу, которую никак не мог затащить в постель и успокоиться.

– Но все это не имеет смысла. У НАС нет будущего. И такие отношения не по мне. Ты прости меня, что, может, дала тебе надежду...

«Вот дурында невинная выискалась», – разозлился стоматолог, но виду не подал. Он решил действовать стремительно.

Бросился на Надю, стал осыпать лицо и шею поцелуями, зашептал заезженные и не знавшие отказа слова:

– Любимая моя женщина, самая лучшая... Каждая минута с тобой – счастье, единственная моя...

От неожиданности Надя даже не могла сопротивляться его рукам. Горячка, позабытая с юности, опрокинула, будто штормовая волна: Надя сползла на сиденье, не в силах уворачиваться от настырных умелых губ, стала отвечать на ласки.

– Нет! – дернулась она, хватая руку Арсена, коснувшуюся ее ремня на джинсах. – Нет... Это просто безумие. Это невозможно, – залепетала Надя, оглядываясь по сторонам. Впрочем, двор, погруженный в густые осенние сумерки, был безлюден. Кажется, безлюден...

Придя домой, она сказала больно и юркнула в постель. На следующий день (слава богу, у Миликяна был выходной!) Надя, вернувшись с работы, затеяла роскошный ужин. И даже пива самого дорогого для мужа купила. Егор ее старания не оценил. Он пришел за полночь мертвецки пьяный и, послав к черту и Надю с ее мясом, и Машу с ее презрительной ухмылкой, повалился на диван в гостиной. А на следующее утро Надя проснулась от хлопка входной двери. Стрелки часов подползали к половине седьмого утра.

– Егор?!

Она выскочила за мужем к лифту.

– Иди в дом! – рявкнул Бессонов из-за закрывающихся дверей. Надя успела заметить, что у него отечное багровое лицо и страдальческий взгляд.

А еще куртка перекошена.

– Егор, кнопки! – зачем-то закричала она, уткнувшись в закрытые двери лифта. – Ты кнопки неправильно застегнул на куртке!

– Я жизнь неправильно!.. – Докатилось из шахты до Надиного слуха.

«Что неправильно? Что?! Жизнь прожил?» Надя привалилась к стене, закрыв глаза. Она поняла, что Егор догадался о ее отношениях с Миликяном. Или кто-то открыл ему глаза?! Неужели произошло самое страшное? То, о чем предупреждала мама. Мама... Надя вспомнила плачущую мать и отца, выносящего дочери приговор: яблочко от яблоньки... все бабы...

Нет, Надя не могла допустить такой беды. С этим нужно было что-то делать, нужно было все объяснить Егору, рассказать правду.

«А какая она, правда? Какая... Какая она? – странный механический голос – тягучий, навязчивый – зудел в голове. Надя сжала виски. – Я схожу с ума? Этот голос... Жуткий, настырный. А почему бы нет? Тетя Ия, папина сестра, загремела в психушку в тридцать лет... Не хочу! Нет!»

– Нет! – крикнула Надя, и голос стих.

Она бросилась к телефону. Аппарат мужа был выключен. Надя звонила каждые пятнадцать минут. Пока собиралась на работу, пока провожала Машу, которой и дела не было до родительских ссор, пока шла к метро, к клинике, открывала кассу, раскладывала бумаги, здоровалась с посетителями...

Егор позвонил сам. Он был вполне спокоен.

– Нам нужно серьезно поговорить вечером.

– Да, конечно! – ринулась из-за стойки в коридорчик Надя.

– Только прошу об одном: ни слова лжи! Прямой вопрос – прямой ответ.

– Конечно, Егор! Только так, я просто не могу тебе врать...

– Ты можешь ВСЕ! – припечатал Егор и дал отбой.

Надя вздрогнула от чьего-то прикосновения.

Это Валюшка взяла ее за плечи.

– Надь, ты вся дрожишь. Да на тебе лица нет! Что с тобой, милый мой?

Надежда прижалась к подруге.

– Кажется, Егор видел нас с Миликяном около дома. Арсен провожал меня на днях.

– Подожди, у вас что-то серьезное? – отстранилась Валя.

– Нет, конечно, нет! Я как раз сказала ему, что все эти прогулки кончены, что у нас нет будущего.

– А он?

– Ну... Он, кажется, надеется на что-то. Но я все решила окончательно. – Надя сжала кулачки и жестко посмотрела на подругу.

Валюшка опустила глаза, поиграла губками.

– Знаешь, Надюш, все-таки в этой жизни все решают мужики. Как это ни печально. Если Миликян влюблен в тебя, он не отстанет. А твой Егор не простит. Ни за что не простит.

– И что? Мне с мужем разводиться? – ужаснулась Надя.

Валя взяла ее за руку и повела к подсобке.

Захлопнув дверь и сдвинув зачем-то ведро со шваброй, она скрестила на груди руки. Тон у нее был прокурорский.

– Признайся, подруга, что ваши отношения с Егором уже давным-давно превратились в муку мученическую. Ты только и делаешь, что жалуешься на него. Домой идти не хочешь из-за его пьяных истерик. Да и он, похоже, не слишком счастлив. Ты, вообще, как, спишь с мужем?

Надя не решалась посмотреть «прокурорше» в глаза.

– Редко. Очень редко... Но это ведь не так и важно при нашем долгом браке. Я все равно чувствую себя с ним защищенной, он ведь любит меня...

Валюшка прыснула.

– Любит – не любит, плюнет – поцелует. Галиматья все это! Мучаете вы друг друга, а не живете! А любовью ты называешь привычку.

Надя закрыла лицо руками.

– У нас дочка. Все общее. И не могу я быть одна! Понимаешь, даже представить себе этого не могу!

– Ну давай, слабохарактерная моя, тяни свою лямку до смерти. Наблюдай, как несчастный с тобой мужик допьется до цирроза, а ты станешь пациенткой клиники неврозов.

– Валя, не терзай меня! – взмолилась Надя, схватив подругу за руки. – Что бы там ни было, Миликян к этому не имеет никакого отношения!

– Имеет! Прямое, – вырвала руку Валюшка-правдолюбка и погрозила Наде пальцем. – Если бы ты была счастлива, то и не посмотрела в его сторону, и прическу бы не стала сооружать, и с блаженной улыбочкой ходить. – Валюшка скроила глуповато-элегическую гримаску, изображая влюбленную подругу. – Прекрати себя обманывать, Надька!

Тут их разговор прервала уборщица тетя Катя.

Подруги покинули подсобку очень недовольные друг другом. Но Надя с убийственной ясностью вдруг поняла, что Валька высказала ей то, что сама Надежда Бессонова не решалась признавать много лет.

Когда она пришла домой, то увидела в прихожей чемодан и дорожную сумку. С ней Егор ездил в редкие командировки. Раздалось демонстративное покашливание из кухни.

– Надежда, я уже жду тебя! – крикнул учительским тоном муж.

Он сидел за столом – трезвый, прямой, в офисном костюме. Брови – сдвинуты, взгляд – пронзительный и обличающий.

«Наверное, так он взирает на мальчишек-менеджеров», – подумала Надя, присаживаясь на краешек табурета.

– А где Маша?

– Я отправил ее к подруге. Нечего вовлекать ребенка в эту грязь. Нам же все вопросы нужно решить цивилизованно и честно, – заявил Егор.

Надя почувствовала себя участницей партийного собрания, на котором будут разбирать аморальное поведение несознательного члена.

– Егор, я хочу тебе сказать, что семья для меня – все! Ты и Маша. Остальное – ерунда!
Муж страдальчески вздохнул.

– Не верю, Надя. Не верю... Я, конечно, не готов винить во всем только тебя. – Муж снова вздохнул, и Надя ясно различила укоризну: «Именно ты и виновата, нескладеха». – Наверное, мужем я был не идеальным, но... каким уж был. Мне-то не нужно, надеюсь, доказывать, что вы для меня были всем. Но, видно, моя мама с самого начала была права. Мы – не пара. У нас совершенно разное воспитание и ценности. Тебе хочется красивой разгульной жизни. А мне... мне покоя и надежности. Потому я принял решение...

– Подожди, Егор! – вскочила Надя. – Что за красивая жизнь, какие решения?! О чем ты? Бессонов поднял руку, будто загораживаясь от назойливых и никчемных слов жены.

– Не нужно оправданий и бесполезных объяснений. Еще истерики мне тут не хватало. Посмотри, как я, рога носец несчастный, держусь! Ни слова упрека! – Глаза Егора вспыхнули яростью.

– Но все не так! Это какой-то морок, нелепица!

– Вот уж мистические тонкости – точно не по мне. С этим – к своей маман! – указал рукой на дверь Егор. – Меня же оставь в покое. Я давно стал для тебя чужим человеком. Впрочем, и сам отдалился, не получая поддержки и внимания в ответ.

Егор встал и начал мерить шагами кухню. В минуты волнения он всегда ходил и вскидывал руки, чтобы провести ими по волосам.

– Ты вспомни, каким я был?! Лидер, победитель. Но с такой женой трудно держать планку. Ты посмотри на себя, Надя!

– Мне казалось, что тебя устраивает мой «уютный домашний вид». Ты сто раз мне это говорил! Да, я жена и мать, и это – главное. Так, во всяком случае, я считала до этой минуты. А эта глупая история со стоматологом...

– Оставь, Надя! Вот уж эти мерзкие откровения оставь! Мне вполне достаточно твоих виноватых бегающих глаз. Разойдемся спокойно и без скандалов.

Надя вдруг зарыдала и кинулась перед мужем на колени.

– Ну прости меня за все, Егорушка! Я сама виновата, сама! Распустилась, позволила... Ну, хочешь, буду пить с тобой пиво каждый вечер?! Давай обсудим заразу Ухтомского, который тебя подсадил. Ну... я не знаю, давай я устроюсь к вам в салон. Хоть уборщицей! Буду за всеми приглядывать, все для тебя вынюхивать...

Надя ползала на коленях за мужем, который отворачивался от нее, брезгливо морщась.

– Замолчи! Даже сейчас ты несешь околесицу и унижаешь меня, – наконец выпалил он.

И тут Надя замерла. Она почувствовала такую боль от несправедливости происходящего, такую тяжесть от навалившегося груза бессмысленных, отданных этому безжалостному слабаку лет, что, с трудом поднявшись, еле слышно произнесла:

– Ты пожалеешь обо всем. Пожалеешь о том, что не хранил и не ценил. Но будет поздно. Бессонов расхохотался.

– Это маменька научила тебя действовать угрозами?! В ее репертуаре.

– Не смей поминать в таком тоне мою мать! – выкрикнула Надя сквозь рыдания. – Ты ее мизинца не стоишь...

– Ну, вот и момент истины. Вот и отлично! – потирая руки, со злобным удовлетворением крикнул Егор.

Он бросился в коридор, стал натягивать куртку.

– Егорушка, куда ты, как ты... – Надя, будто опомнившись, устремилась за мужем.

– Не беспокойся. Слава богу, у меня есть бабушкина квартира. Я, как уважающий себя мужчина, не буду делить имущество. Двадцать пять процентов зарплаты, как и положено по закону, буду давать на Машу.

– Господи помилуй, мне все это кажется страшным сном... Какие проценты, какая квартира?

– Нет, дорогая. Это не сон. Пробуждение! – Егор рванул с полочки кепку. Вместе с ней на пол посыпались шарфы, перчатки, платки.

Надя бросилась подбирать вещи, лепеча:

– А рубашки? Кто будет стирать как надо? И твой желудок...

– Трогательная забота, – скривился Бессонов. – Спасибо, конечно, но протертые супчики умеете готовить не только вы с маменькой.

Надя привалилась к стене.

– Ах, вот к чему весь этот пафос! У тебя кто-то есть...

От невероятной догадки у Нади вмиг высохли слезы.

– Снова пощечина, – огрызнулся Егор. – Нет, милая женушка, ты знаешь, что я не таков. Но... но крест на себе ставить в сорок лет не буду. Я тоже заслужил счастье, в конце концов. И не вздумай бежать за мной! – Он с досадой посмотрел на жену.

Такого взгляда могла бы удостоиться дворовая кошка, перебежавшая ему дорогу. Подхватив чемодан и сумку, Егор переступил порог. Хлопнула дверь. Стоя в коридоре, Надя слышала, как со скрежетом раскрылись и закрылись двери лифта.

«Вот, кажется, и все. Теперь – все. ВСЕ...» – снова завел механический тягучий голос в Надиной голове.

Пройдя на кухню, Надежда осела на табурет, в оцепенении уставилась в темное окно. Затяжной дождь выстукивал нестройный ритм по стеклу.

А потом начались месяцы борьбы за разваливающуюся семью. Надя не могла и не хотела верить, что ее налаженная, пусть не очень радостная, но более-менее спокойная и предсказуемая жизнь рухнула. Сталкиваясь с малейшей проблемой – выбитые пробки, потекший унитаз, капризы Маши, она вспоминала Егора и тянула руку к телефону. Но одергивала себя. Не могла слышать удовлетворенного мужниного вздоха и сакраментального:

– Ничего не способна решить в этой жизни сама...

Дважды Надя приезжала к квартире Егора в подмосковный городок. В первый раз не застала мужа. Звонила, била ногой в дверь, пока не вышла соседка и не послала «шалаву» по матери. Большого унижения в своей жизни Надя не испытывала.

Второй раз, дозвонившись на стационарный телефон и услышав нетрезвое «Але», кинулась на вокзал. Стоял ледяной вьюжный февраль. Надя продрогла до одервенения, с трудом пробираясь по обледеневшим тропинкам от станции до дома Егора.

Оказавшись у ненавистной дерматиновой двери, звонила, пока Егор не открыл. Он еле держался на ногах. Поэтому, наверно, даже не удивился приезду жены.

– Я соскучилась! Ты... один? Я вот котлеты паровые привезла, – лепетала Надя, оглядываясь по сторонам. Искала соперницу.

И снова это было гадко и унижительно.

Соперница не обнаружилась, зато Надя увидела, как представляет себе холостяцкое счастье ее принципиальный супруг. Пустые бутылки на полу и пластиковые пакеты из-под полуфабрикатов на столе.

Егор, не глядя на Надю, сел за неприбранный стол и начал есть ее котлеты из судка руками.

– Тебе тут хорошо? – привалилась Надя к притолоке.

– По крайней мере – спокойно, – сказал Егор и, протянув жене пустой судок, удовлетворенно рыгнул. – Большое спасибо. Впрочем, не стоило утжурда... утруждать, – выговорил он заплетающимся языком.

– Послушай, ну хватит уже! Проучил, доказал, воспитал... Нам с Машей плохо без тебя!

– Разве? – брезгливо ухмыльнулся Егор. – Мне сейчас не резон затевать развод. Подожду еще несколько месяцев... Слушай, одолжи тысячи три? – вдруг оживился он. – Я тут проект собственный зам-мутил. – Он снова гаденько хмыкнул. – Все деньги приходится вкладывать. Пока.

– Да, конечно, – засуетилась Надя, копаясь в сумке.

– Ой, у меня только две четыреста... А что за проект? Может, я помогу? Вспомню что-то по юридической части.

Надя села без приглашения на стул, попыталась взять мужа за руку.

Он руку убрал и уставился в ее лоб пустым взглядом.

– Даже не начинай. Живи сама. Все кончено.

Обратный путь домой Надя позже не могла вспомнить, как ни силилась. Острое чувство сиротства, поселившееся в ее душе с уходом Егора, постепенно притупилось, но не ушло, мучило ночами. Она сильно похудела. Могла расплакаться от случайно услышанного обрывка знакомой мелодии. И с лица ее не сходило выражение испуга и ожидания.

А через четыре месяца ей позвонил мировой судья и вызвал на бракоразводный процесс, затеянный Бессоновым.

К тому времени Миликян, встревоженный переменами в «нэнормальной бессоновской семье», не только откинул всякую обходительность по отношению к Наде, но и избегал любых контактов с администраторшей, даже здороваться опасался. Впрочем, скоро он вовсе уволился, так как возглавил собственную клинику: всеильный тесть помог.

А на Надиной работе все очень переживали за «брошенку». Больше всех – верная Валюшка. Она пыталась успокаивать Надю фразами об «удаленном из ее жизни гнойнике». Такая вот неожиданная образность мышления открылась вдруг в легкомысленной «мышке-норушке».

Мама вошла в кухню и бросила на стол две фотографии. Когда Надя взглянула на снимки, у нее задрожали руки. Кровь бросилась в лицо. На фотографиях была она, Надежда, в миликяновской машине. Несмотря на темноватое изображение, можно было ясно различить страстно целующуюся парочку.

– Это я экспроприировала несколько дней назад у твоего муженька. Как уж я заставила его выложить эти «козыри», рассказывать не буду. Не сегодня, во всяком случае.

– Ужасно. Мама, это просто... – Надя не могла говорить от спазма, перехватившего горло.

– Ужас не в том, что ты умудрилась барахтаться с этим стоматологом. А в том, что какой-то «доброжелатель» выслеживал тебя, сделал фотографии и отправил их в тот же вечер на почту Бессонова. А Егорушка их даже распечатал. Собака такая!

– Конечно, Егор не простил меня, дуру, и не верил.

Надя закрыла лицо руками.

– Не о том, доча, речь! Как ты не понимаешь, что только у одного человека был мотив и возможность проделать все это и подставить тебя.

– У жены Миликяна?

– Да у какой жены, – досадливо отмахнулась Галина Викторовна. – Валька подбивала клинья к стоматологу? Да. Миликян предпочел ей тебя? Да.

– Этого не может быть! Валька никогда бы не сделала этой мерзости! Она моя подруга с детства! А вот ты ее всегда недолюбливала по неясным для меня причинам. – Надя вскочила от возмущения, стряхнула гадкие фотографии со стола.

Галина Викторовна подняла карточки и спрятала их в карман кофты, подойдя к дочери, взяла ее за локоть.

– С Миликяном у «моськи» не вышло. Зато теперь может получиться с разведенным Георгием Ивановичем Бессоновым! Ты ведь шестнадцать лет назад перехватила его у кабинета нашей врачихи. Видела я ее лицемерную мордочку на вашей свадьбе... Ну, понимаешь? Теперь-то ты хоть что-то понимаешь?!

– Нет... Этого не может быть, этого не может... – как заведенная мотала головой Надя.

– Значит, так. Сядь на стул и возьми себя в руки. Поставим эксперимент.

– Не смей, мама!

Надя хотела броситься за матерью, когда поняла, что та намерена звонить по телефону.

– Спокойствие, только спокойствие, как говорит наш кумир. Где тут у нас номерок Курочкиной? Ага, вот он! – нашла в записной книжке нужный телефон Галина Викторовна и подняла трубку. – Сядь и молчи! – прикрикнула она на дочь.

И Надя покорно села на стул, схватив от волнения Микки, который тут же принялся лизать ее лицо.

Видимо, в Галине Викторовне Кольцовой пропала не только княжна, но и выдающаяся актриса. Нацепив трагическую гримасу, она заговорила скорбным голосом. Речь ее прерывалась от частого взволнованного дыхания.

– Валечка? Здравствуй, детка. Да, я... Ох, совсем дело плохо. Вот... звоню попросить тебя о помощи. Не очень отвлекаю? Ах, немножко занята... – Галина Викторовна выразительно подняла брови, посмотрев на замершую Надю.

– И все же я попросила бы тебя помочь мне. Приехать к нам... Да, Надюше нужна сейчас твоя поддержка. Все-таки подруге выговориться легче, чем матери. Да... Да, я понимаю. Ну, раз уже договорились на завтра, так тому и быть... А-а, страшная мигрень к тому же? – И снова мама бросила на Надю выразительный взгляд и скроила скептическую мину.

Распрощавшись с Валюшкой, мама категорично рубанула рукой:

– Муженька твоего утешает, к гадалке не ходи!

– Мам, ты всерьез веришь в то, что Егор сейчас у Вали?

– Уверена! Иначе бы Валька приехала. Но сегодня ее приоритет – свободный мужик, которого надо утешить после рокового события и заодно заарканить.

– А ты не предполагаешь, что у нее может быть и иной воздыхатель?

– О котором ты слыхом не слыхивала? – ернически спросила мать.

– Ну, знаешь, я сейчас же позвоню Егору и спрошу напрямую! Он не станет врать.

Надя схватилась за мобильный телефон.

Галина Викторовна вздохнула и решительно взяла аппаратик из Надиной руки.

– Наивная ты моя простота.

Она постучала пальцами по столу, напряженно размышляя, и вдруг крикнула:

– Идея! Дядя Саня! Мы запустим к ним дядь Саню.

– Вот это только через мой труп, мать. Вот просто даже не начинай... – вскинула руки Надя и затрясла головой.

– Да ты послушай меня, послушай! – не сдавалась Галина Викторовна. – Это отличная идея! Саня, конечно, не Иннокентий Смоктуновский, но с молчаливой ролью участкового справится на все сто! Он же любит нас с тобой, в конце концов.

Дядя Саня Пухов был маминым соседом по лестничной клетке. Переехал он в этот дом года три назад и сразу же принялся ухаживать за Кольцовой. Развелся шестидесятилетний дядька давным-давно, детей у него не было. Оказался он человеком душевным и простым. Работал стекольщиком на большом предприятии пластиковых окон. Надя подсмеивалась над застенчивым невзрачным Саней, который пытался галантно ухаживать за ее матерью. Галина Викторовна же поддерживала с соседом дружески-кокетливые отношения.

Дядя Саня оказался незаменим в бытовых делах. Особенно по части хозяйственных перевозок. Новенький «Рено» был главной гордостью работяги. Второй его гордостью стал полковничий костюм дяди-Саниного брата Лехи.

Дело в том, что Леха всю жизнь прослужил в МВД. Откуда был, по его мнению, несправедливо спроважен на пенсию.

– Убери ее с моих глаз долой! – заявил он Сане, привезя полковничью форму к брату. – Все, сжигаю мосты и уезжаю топить тоску в Сороти.

Леха был заядлым рыбаком и особенно любил псковскую реку Сороть, богатую щукой и налимом.

– Из Сороти до сих пор местные берут чистойшую питьевую воду! В реке каждый день купался Пушкин, когда бывал в Михайловском. По этой реке и везли гроб с телом поэта в Святые Горы, – со значением заявлял он каждый раз Сане, приглашая его отведать улов. – Да и сам Ляксандр Сергеич рыбку из Сороти при жизни очень как уважал. Да, благодатные, святые места, – вздыхал Леха, и Саня проникался должным почтением и к Пушкину, и к Сороти, и к ее неиссякаемым богатствам.

А изгнанный Лехой костюм дядь Саня подчас использовал в очень странных целях. Он не был пьяницей, нет! Но редкие праздники любил. Сам лепил пельмени и приглашал на них сослуживцев и соседей. Когда праздник достигал своего апогея, дядя Саня вдруг заговорщически приглашал кого-нибудь из случайных гостей в маленькую комнату и, приложив палец к губам, приоткрывал створку шкафа. Гость с недоумением тарасился на полковничий костюм.

– Да-а, – удовлетворенно вздыхал дядя Саня. – Вот такие были в нашей сложной биографии моменты. Такое прошлое, понятное дело, просто так в шкаф не запрешь. Все – здесь. – Он стучал пальцем по своей тощей груди. – Но это – моя тайна... Покрытая мраком прошлого.

И дядя Саня с чувством захлопывал шкаф.

Гость смущенно хмыкал, не зная, как понимать сию эскападу. Бояться «настоящего полковника» или спешить заручиться его покровительством.

Наде дядя Саня тоже в свое время демонстрировал костюм. Тогда мама развеяла все Надины недоумения:

– Дурака валяет, старый брехун! Значительность напускает. Мне-то он байки про свое боевое прошлое не впаривает – я его брата Леху знаю.

Впрочем, невинное вранье мать с дочерью дяде Сане прощали. Протрезвев, он снова становился милым искренним мужиком, забывая о своих мечтах-превращениях до следующего застолья.

Но именно сейчас Галина Викторовна, не чуждая авантюр, вспомнила об униформе, и в ее бедовой голове родился целый план по выведению «говнюков и предателей» на чистую воду.

– Жди меня, доча, я пойду посоветуюсь с Саней, – заявила мать Наде.

– Я могу хоть что-то в этой жизни решить сама?! – взвилась Надежда.

– Конечно. Вот выяснишь всю правду и будешь решать.

Галина Викторовна уже выпархивала из квартиры.

Надя взяла Микки на руки и поплелась в свою бывшую детскую.

Карлсон хитро и ободряюще улыбался со стены, Люка протягивал к любимой хозяйке плюшевые лапы. Микки ревниво на него тьякнул, когда Надя прилегла на диван, подпихнув медвежонка под щеку.

«Я не хочу уже ни правды, ни лжи. Ничего не хочу, кроме покоя. Кроме сладкого забытья», – подумала Надя, закрывая глаза. Только сейчас она почувствовала, как устала. Не только за этот мучительный день. За целый год страданий, слез, пустых надежд и унижения.

Кажется, она задремала. Потому что вздрогнула от прикосновения мамы.

– Мы готовы, Надюш, – с азартом изрекла Галина Викторовна.

Микки с лаем помчался в коридор. Впрочем, к соседу терьер относился лояльно. Не то чтобы любил, но и неприязни не выказывал. Потому сел рядом с «полковником», перетаптывающимся на коврике, и завертел хвостом. Дядя Саня подмигнул псу.

Надя не смогла сдержать смешок. Форма была велика Сане чуть не на два размера.

– Привет, Надежда! Чего уж там, поможем, – смутился дядя Саня и вздохнул, оглядывая себя.

– Ты, главное, приосанься. Ты же у нас Саня! И штанины внутрь подверни, а то все тротуары подметешь. А эта, как ее, фуражка почему в руках? На голову ее! Вот, полный порядок, – командовала соседом Галина Викторовна, надевая босоножки. Она уже успела облачиться в нарядное платье и даже подкрасила губы.

– Надюш, приводи себя в порядок по-быстрому. Полковничье время дорого.

– Мам, тебе все хиханьки! Это какой-то детский сад. Давай просто приедем и сами поговорим с Валькой и... Егором. Которого, я уверена, там нет! И потом, участковый не может носить звание полковника!

Галина Викторовна замахала руками:

– Да кто там в глазок погоны рассматривать будет? И вообще, твоя Валька ни в чем, кроме зубных каналов, не понимает. Да и в них, по-моему, не слишком хорошо. А нам она вообще не откроет, затаится. Неужели непонятно?! Из-за этого и весь сыр-бор. Все, мы ждем тебя у машины!

Мама взяла Микки на руки.

– А он-то зачем? – воскликнула Надя.

– Участковая собака!

– Ма-ам!

– Ну, это для подстраховки. Увидишь, когда до дела дойдет.

И Галина Викторовна нетерпеливо махнула на дядю Саню, чтобы тот не стоял столбом, а шел заводить машину.

Всю дорогу мама давала указания «полковнику»:

– Значит, строго так про кражи в подъезде скажешь и про опрос всех, кто находится в квартире.

Саня сосредоточенно кивал.

– Да направо, на бульвар! – горячилась мама, взмахивая рукой. – Чуть поворот не проехали... Так, главное, чтобы она открыла, а там уж мы вступим в игру. Ой! Фамилию тебе нужно какую-нибудь поостроже для представления.

– Полковник Адский, – съязвила Надежда.

Галина Викторовна не обратила на ее сарказм никакого внимания.

– Капитан Твердохлебов. Или нет... Крутов!

– Борцов, может? – проявил креативность дядя Саня.

– Ну, тоже неплохо.

– А корочка? – вдруг в панике посмотрел он на Галину Викторовну.

– Что – корочка?

– Документ! Удостоверение!

Мама задумалась.

– Пропуск твой на фабрику с собой?

– В борсетке, – с готовностью кивнул дядя Саня.

– Ну и хватит, чтобы в глазок ткнуть.

– Я чувствую себя полной идиоткой. Для абсолютной радости только с подругой лучшей рассориться не хватало, – взбунтовалась в последний раз Надя.

Микки, которого она держала на руках, ободряюще лизнул ее в нос.

Мама повернулась к дочери, сжавшейся на заднем сиденье.

– Если она подруга настоящая, то все поймет и извинит. А если... Короче, волю и самообладание в кулак. Будь сильной, Надя!

И Надежда сурово сжала губы.

Она знала номер Валюшкиного домофона, потому их странная тройца, провожаемая изумленными взглядами бабок на лавочке, прошла в подъезд без приключений. Мать с дочерью притаились за стенкой у лифта, а дядя Саня решительно подошел к квартире. Прислушался. За дверью было тихо.

– С Богом! – шепнула Галина Викторовна, и «полковник», подтянув к груди сползавшие брюки и сдвинув фуражку на лоб, нажал на звонок. Никто не откликнулся. Саня настойчиво позвонил снова.

– Что? Кто там? – раздался недовольный Валюшкин голос из-за двери.

– Участковый Борцовский! – севшим, но властным голосом сказал Саня.

– Что такое? – встревожилась Валя, но дверь не открыла.

– Немедленный опрос жильцов из-за этих... краж имущества в вашем доме.

Наде казалось, что Саня на середине фразы сникнет окончательно, но нет, тот вполне справлялся с ролью.

– Я ничего не видела, ничего не знаю. Я нездорова, – капризно сказала Валюшка.

«Полковник» откашлялся и сурово рявкнул:

– Вы обязаны расписаться в протоколе! Сведений, мол, представить не могу. Число и подпись. Это ваш долг, как его... гражданский.

И дядя Саня достал из внутреннего кармана мундира какие-то мятые листы. Галина Викторовна с восторгом потрясла кулаками над головой.

Валюшка что-то недовольно проворчала и открыла дверь.

– Микки, давай! – шепнула Галина Викторовна, рванув пса из рук Надежды.

Терьер с залиvistым лаем бросился в квартиру.

– Что это такое?! – заверещала Валюшка, облаченная в соблазнительный пеньюар.

Через пару мгновений «кавалер со знаком качества» уже прыгал вокруг ног своего доброго знакомого – Егора Бессонова, который некогда баловал его косточками из зоомагазина.

Боевая тройца вломилась в квартиру, не обращая внимания на возмущенные крики хозяйки.

Егор сидел на кухне. Из одежды на нем красовались только семейные трусы в синюю искру, купленные Надеждой. Бессонов замер, от растерянности не донеся до рта ложку со щами. Около его тарелки стояла стопка и початая бутылка водки-литровки «Белуга», которой утешительница потчевала любовника.

«Полторы тысячи в «Винном мире», – машинально констатировала про себя Галина Викторовна.

Также на столе присутствовала полная чашка кофе и баллончик со взбитыми сливками. Валюшка обожала кофе со сливками.

– Мизансцена ясна! Так ведь, правдолюбец наш? Мистер бескомпромиссность! – подбоченясь, высказалась Галина Викторовна.

Дядя Саня боялся, что в следующую минуту взбешенная соседка вцепится бывшему зятю в волосы.

Но нет, Галина Викторовна владела собой.

– А что, собственно, происходит? – вдруг спокойно изрек Бессонов, опустив ложку в тарелку, и с вызовом посмотрел на тещу. Он еще не успел сильно захмелеть, потому был в силах хорохориться:

Известно ведь, что
Каждый выбирает по себе:
Женщину, религию, дорогу...

– Ах ты, декламатор недоделанный! – крикнула Галина Викторовна, покраснев и замахнувшись на Егора. Ее решимость была сбита невозмутимостью Бессонова.

Но тут в дело вступила растерянная Валюшка, которая аж позеленела от страха и неловкости.

– Вы все неправильно понимаете, тетя Галя! Надя, это чудовищное недоразумение, – лепетала она, мечась между матерью и дочерью.

– Все мы правильно понимаем! – рывкнула Галина Викторовна и с силой кинула на стол фотографии, сделанные Валькой.

– Это не мое! Не докажете! Как ты мог, Бессонов?! – заверещала та, хватая карточки и судорожно разрывая их.

Егор закрыл глаза и уронил голову на руки. Дядя Саня, поглядывая на мать с дочерью, сжал кулаки: приготовился ввязаться в дело, если оно примет силовой оборот. Валюшка что-то лепетала, комкая обрывки фотографий, Галина Викторовна замахивалась на нее и тоже что-то выкрикивала, при этом успевая цыкать на Микки, который уже облюбовал себе местечко у ног «говнюка и предателя».

И тут раздался хриловатый, но неожиданно сильный голос Надежды:

– А вот теперь все замолкли!

Голос был настолько спокоен и значителен, что замерли все, включая Микки, не желавшего идти к хозяйке, а желавшего получить свою законную косточку от Бессонова.

Надя подошла к бывшему мужу, который будто уменьшился под ее пронзительным странным взглядом, взяла баллончик со взбитыми сливками со стола, ненадолго задержала на нем взгляд, а потом пустила пенную струю в тарелку шей. Затеяливый белый крендель увенчал варево из капусты и картошки.

– Приятного аппетита, – все так же спокойно и зычно сказала Надя и вышла из квартиры.

За ней, как по команде, в гробовом молчании вышли и остальные «спецназовцы».

Надя спускалась по лестнице пешком. У нее была прямая спина и гордо расправленные плечи.

– Надюша, я хочу, чтобы все близкие мне люди были счастливы! И ты, и Егор. Но ведь вы – не пара! Ты пойми, не пара! Я постараюсь, чтобы он...

Дальше Надя не смогла разобрать визгливых слов подруги, несущихся сверху. Бывшей подруги. Или... врага?

За Надей по лестнице топал дядя Саня: контролировал ситуацию. Мама, подхватив Микки, спускалась на лифте. Она не могла бежать по лестнице из-за дурноты и головокружения.

Когда Надя, а за ней и «полковник», поддерживающий брюки, вышли из подъезда, то застали дикую картину.

Галина Викторовна ломилась в акулopodobный золотистый «Бентли», лощеный водитель которого с ужасом пытался отбиться от настырной дамы с собачкой. Собачка так же нещадно ругалась на молодца за рулем.

– Сейчас вам полковник МВД устроит веселую жизнь за попытку угона! – кричала Галина Викторовна. – Вы хоть знаете, с кем связались?!

– Галь, это не моя машина! Галя! – попытался оторвать ее от дверцы «Бентли» дядя Саня.

– Что значит не твоя? – прекратила попытки прорваться в салон Галина Викторовна.

– Моя – рядом, Галя!

Дядя Саня указал на свою машину, припаркованную правее роскошного лимузина.

Галина Викторовна с недоумением уставилась на белый сундучок на колесах.

– Это – твоя?! – с презрением выпалила она. Но тут же махнула рукой: —Ну ладно, твоя, так твоя. Цвет меня сбил! Обе блондиночки.

Усевшись в «Рено», Галина Викторовна буркнула:

– А вообще полковник мог бы обзавестись тачкой и получше.

– Мам, ты можешь помолчать? – тихо сказала Надя.

– О да! – возопила мать. – Я выскажусь сполна позднее.

И она более не проронила ни единого слова, пока «полковник» вез их домой.

Но и дома Надя не позволила вести с ней разговоры.

Она взяла из рук мамы пакет с гостинцами, поцеловала Микки и, сказав: «До завтра», спокойно ушла. Ни единый мускул не дрогнул на ее лице. Ни единой эмоции на нем не могла прочесть Галина Викторовна.

– Саня, я немедленно еду за ней! – опомнилась вдруг матушка и кинулась к дверям.

– Галя, угомонись. Дай девчонке продохнуть, побыть одной, – загородил ей дорогу сосед.

Галина Викторовна расплакалась:

– А вдруг она что-нибудь сделает с собой из-за этого уroda и его «моськи»?

– Ничего она не сделает! Она девчонка сильная. И умная. Хорошая у тебя дочка, Галя, – обнял за плечи соседку дядя Саня.

Она сбросила его руку:

– Но ты здесь совершенно ни при чем! Я теперь даже и не знаю, благодарить тебя или ругать.

– Знаешь что, давай-ка уже иди отдыхать! – обиделся «полковник».

– Сань, ну прости меня... Сам понимаешь, какая ситуация, – всхлипывала Галина Викторовна.

– Житейская. Плюнуть и растереть.

Дядя Саня потер руками и, разлепив ладони, дунул на них.

Придя домой, он повесил форму с изрядно оттоптаннами штанинами в шкаф, сжевал кусок докторской колбасы с куском паляницы, запил бутерброд кефиром и пошел курить на балкон. Он любил теплым вечером покурить, сидя на табурете, в задумчивости глядя на кроны лип во дворе. В такие минуты ему лучше всего думалось и вспоминалось. Нередко Саня вел внутренние диалоги с воображаемыми собеседниками.

В этот вечер беседа затянулась чуть не на полчаса. Дядя Саня изредка морщился, поднимал брови, вздыхал и причмокивал. Наконец он решил поставить в бурной дискуссии окончательную и эффектную точку. Поднялся, расплющил в пепельнице окурочок и высказался громогласно:

– А я тебе отвечу, Егор Иванович: водку крем-брюле полковники не закусывают. Вот тебе и весь сказ!

И, очень довольный собой, покинул дискуссионную трибуну, хлопнув балконной дверью.

Надя пришла домой и первым делом залезла в душ. Несмотря на июльскую жару, ее бил озноб. Она испытывала странную, тупую усталость. Ни слез, ни сожаления, ни злобы... Только усталость и чувство гадливости. Горячая вода придала сил. Надя вышла из душа и, пройдя в комнату, замерла перед зеркалом. Бледное решительное лицо, жесткий взгляд. Эта женщина, будто все познав, переоценив и измерив, готова была отбросить сожаления и

жалкую песенку о прошлом. О чем сожалеть?! О том, что душило, глумилось, втаптывало в грязь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.